

— Ведь я вам говорила — я знатная, дочь шотландского барона. — я очень похожа на дочь шотландского барона, не правда ли? такая беленькая, белокурая?

Но раньше [ты должна узнать,
Какой мне жребий дан.]

— Он рассказывает мне, господа, кто он — он разбойник. — что ж, ведь и это правда, господа.

О дева, друг недобрый я,
Глухих [лесов жилец,
Опасна будет жизнь моя,
Печален мой] конец.

— Но я все-таки отвечаю: все-таки я иду с тобой на все. И пошла. Так, можно и жениться. Только умеете выбирать.

Месяц встает
И тих и спокоен...

— Ах, вы наделали много вздору, — сказала дама в трауре, — теперь умнее. А ведь это все ужасно забавно.

— Ты знал его?

— Немного. Но точно, это человек, — вот как она.

— Вот бы пара.

— (Они мне милы в одиночку.) Такие люди парами не живут (— сожгут друг друга). Каждый из них должен командовать. Двум командирам нужны разные команды.

— Правда. А где он теперь?

— Говорят, в последний раз видели [его] между Веной и Мюнхеном, говорил, что через год уедет в Америку.

— Бьюмонт не встречал его там?

— Нет.

— Так и неизвестно, где он?

— Неизвестно.

— А пора б ему воротиться!

— Да, пора.

— Не беспокойтесь, не пропустит своего времени.

— Да, а если [не] возвратится?

— Так что ж? (Ты знаешь, свято место не бывает [пусто].) За людьми никогда не бывает остановки, если будет им дело: — найдется другой, — был бы хлеб, а зубы будут.

— А мельница мелет, сильно мелет! — Готовит хлеб!

Так проходит вечер, — пора по домам.

— Позвольте еще тост, — сказала дама в трауре...

К ЮНОШЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Теория и практика

«Теория и практика» принадлежит к юношеским произведениям Чернышевского, написанным в студенческие годы. Это был уже третий опыт. Первым был «рассказ о Лили и Гёте», получивший потом заглавие «Пониманье» (сохранившийся отрывок напечатан на стр. 696—699). Вторым опытом была «История о Жозефине», о которой Чернышевский вначале говорит как «о рассуждении» на тему «необходимости отрицательного воспитания» («Дневник» 13 января и 17 февраля 1849 года), потом как о повести (см. особая запись 17 и 19 февраля 1849 г.). «История о Жозефине» была закончена 2 марта и передана в редакцию «Современника». В «Дневнике» отмечено, что 18 июня этого

года Чернышевский заходил в редакцию «Современника» справляться со своей повестью, беседовал с Панаевым, но определенного ответа от него не получил. В записи 8 октября говорится уже о замысле новой повести. Заглавия ее нет, но, судя по тому, как здесь проектируется содержание этой повести, речь идет, несомненно, о «Теории и практике». Вот эта запись:

«...Вечером лег раздумывать, как, т. е. о чем, писать повесть — вывести ли главным лицом Василия Петровича (т. е. Василия Петровича Лободовского. — А. С.) и его характер и то, как подобным людям тяжело жить на свете, или о том, как трудно всякому человеку следовать своим убеждениям в жизни, как тут овладевают и сомнение в этих убеждениях, и нерешительность, и непоследовательность, и, наконец, эгоизм действует сильнее, чем в случае, когда он должен отвергать его для общепринятых уже в свете прав и т. д. — Лежал и все думал и, наконец, выбрал последнее, так с тем и уснул. Прежде всего родилось положение мужа к жене, как он не решается быть таким мужем, быть в таких отношениях к жене, как должен по своим убеждениям; также положение отца перед сыном: а) выбирающим род жизни, б) желающим жениться; и перед дочерью, желающею выйти замуж (а теперь вздумалось еще — желающею быть актрисою, это чудесно — или танцовщицею), но это уже весьма поздний период жизни этого человека, — так как третье по времени — отношение к детям, второе — отношение к жене, первое — отношение к женщинам до женитьбы. И когда встал поутру, с тем чтобы писать, только стал думать об этом первом периоде, и развилась мысль, что не женился, когда должен был жениться. Второе — из этого старается устроить женитьбу, которую по своему убеждению не должен был устраивать. Второе по времени должно быть раньше и лучше всего относиться к той же женщине. Между отношениями к жене с детьми войдут какие-нибудь отношения служебные и светские. Так развивал постепенно. Писал в этот день и эту повесть, написал всего три первые страницы...» («Дневник Н. Г. Чернышевского, стр. 325—326»).

В первой редакции первая часть повести была закончена 15—17 октября. Вторая часть, повидимому, совсем не была написана. К печати Чернышевский намечал лишь эту первую часть. 15 октября записано: «Дописал свою первую повесть, т. е. первую часть ее, которая кончается смертью Владимира Петровича». 17 октября повесть полностью дописана. Чернышевский подсчитывает страницы всего текста, определяя, какое место он должен по объему занять в «Отечественных записках»: «...Написал более двух страниц и дописал как раз до начала мыслей, что этот человек должен бороться и с самим собою, кроме того, что должен бороться, как мы видим, против общества. Выходит теперь по расчету, что это будет ровно 100 страниц в «Отечественных записках», куда, конечно, я думаю, скорее всего обратится Никитенко, если ему самому покажется, что можно; если нет — я сам буду тоже туда и верно лично к Краевскому».

В следующие дни повесть только переписывается, не продолжается далее (см. записи 18 октября, 19 окт., 21 окт., и, наконец, 13 ноября). 14 ноября Чернышевский был у Краевского с тем, чтобы передать ему повесть, но день оказался неприемный, и Чернышевский передал повесть Никитенке для прочтения и отзыва, надеясь, что Никитенко поможет продвинуть повесть в журнал: «Я доставляю» (повесть Никитенке. — А. С.), потому что это более легкий путь, если ему понравится, а если не понравится, то ведь, конечно, он не продержит более недели, и поэтому замедления не будет».

Через неделю Чернышевский ждет ответа от Никитенки, но тот повести не читал, найдя ее неразборчиво написанной: «На лекции ждал у Никитенки, что скажет о моей повести — я этого дня дожидался с нетерпением. Он сказал, что еще почти ничего не читал, потому что неразборчиво написано, и это хорошо: должно будет переписать, следовательно, переделать, когда отдавать Краевскому, следовательно, выйдет лучше». Повесть снова переписывается и переделывается (см. 29 ноября, 15 декабря и т. д.).

Переделка идет в целях оживления действия сценами, а также и для достижения большей ясности в намеченных характерах (записи 29 ноября и 16, 17 декабря). Была ли закончена работа, были ли новые попытки устроить ее

в печать — остается неизвестным. Последние отметки в «Дневнике» о работе над повестью имеются 11 и 14 января 1849 г. На этом сведения об этой повести останавливаются. В дальнейших записях «Дневника» имеются упоминания о «повестях», которыми Чернышевский был занят, но это были уже новые замыслы, никакого отношения к «Теории и практике» не имеющие: однажды он думает описать в повести понравившуюся ему А. Г. Клементову (19 июня 1850 г., «Дневник»), а в конце 1850 г. упоминается повесть «Отрезанный ломоть», которая к тому времени на $1\frac{1}{4}$ была уже написана и намечалась для передачи Краевскому (11 декабря 1850 г.).

Сохранившиеся отрывки повести «Теория и практика», очевидно, представляют собою уже вторую редакцию, явившуюся результатом вторичной переписки и переделки повести после того, как она уже была в руках Никитенки. Те элементы повести, о которых в позднейших записях говорится как о новых и вставленных, уже имеются в сохранившихся и печатающихся здесь текстах: «...лежал и думал большею частью о том, что должно вставить 2—3 сцены, 2—3 случая перед рассказом Андрея Константиновича, случаи, в которых выставлялось бы решительное отсутствие эгоизма и решительно верное следование своим убеждениям» («Дневник», стр. 341). Какие именно сцены оказались вставленными, на это находим ответ в записи 16, 17 декабря: «В эти дни начал переписывать свою повесть, приписавши и сначала сцены, как познакомился рассказчик с Серебряковым. Мне кажется, они нужны, чтобы с первого раза не утомлять разглагольствованиями и описаниями, чтоб хоть сначала было несколько живого действия, которого дальше весьма мало, и потом, чтобы выказать несколько характер Андрея Константиновича в его высоких правилах, чтобы не сказали, прочитавши: «да это в самом деле негодай, каким и представляет он себя в своем рассказе» («Дневник», стр. 343). Указанный здесь момент знакомства рассказчика с Андреем Константиновичем в сохранившемся тексте имеется. Имеется также и другой момент, отмеченный в записи 20 декабря: «Описание характера А[ндрея] Константиновича кончил тем, как оправдывается он, что продал дома и положил деньги в ломбард». Все это убеждает, что наш текст «Теории и практики» относится ко второй, поздней редакции повести.

Авторские рукописи отрывков из повести «Теория и практика» хранятся в Доме-музее имени Н. Г. Чернышевского в Саратове. Для настоящего издания текст вновь проверен по рукописям Н. А. Алексеевым.

Пониманье

«Пониманье» принадлежит к юношеской беллетристике Чернышевского, написанной им в студенческие годы. «Пониманье», повидимому, его первое произведение такого рода. Возникло оно в связи с историко-литературными занятиями у профессора Никитенки. По собственной инициативе, или по поручению Никитенки, в часы его занятий Чернышевский осенью 1848 г. делал сообщение о Гёте для студентов.

Записи в «Дневнике» Чернышевского упоминают Гёте, начиная с 14 июля 1848 г. Чернышевский отыскивает сочинения Гёте, желая купить их (14 декабря, 3 сентября), упоминает Гёте для иллюстрации своих общих мыслей по разным поводам (24 июля, 2, 5 сентября, 2 октября), беседует о Гёте со своим другом Лободовским (27 сентября), «следует Гёте» в каких-то своих мнениях (28 сентября). 5 октября останавливается на мысли «писать о Гёте и обвинениях его в эгоизме и холодности». Чернышевскому не понравилось мнение Никитенки о несовпадении качеств человека и поэта в одном лице. Мнение было высказано по поводу Гоголя. Никитенко сказал: «Гоголь — поэт и писатель и Гоголь — не поэт и не писатель два совершенно различные человека». Чернышевский по этому поводу замечает: «Меня всегда волнует то, когда говорят как о нехороших людях, о великих людях... «Никогда великое событие не решается, никогда ничего великого не происходит через человека, который бы не сделал чести человечеству» по свойственным ему личным качествам («Дневник»). Очевидно, с этой точки зрения Чернышевский и задумал написать

Гёте или, как он сам позднее формулирует свою тему, «об эгоизме Гёте» (13 ноября, «Дневник»; 23 ноября, там же; 29 января 1849 г., там же; стр. 233).

19 октября Чернышевский на занятиях Никитенки читал о Гёте. Ему пришлось опять столкнуться с Никитенкой. «Он (Никитенко) говорит, что не во всех сферах человек одинаков, — я говорил против этого» («Дневник»). И вот здесь впервые упоминается «повесть о Лили», которая впоследствии получила название «Пониманье». Чернышевский пишет: «Когда звонок был, он (Никитенко) перервал меня на середине повести о Лили; он похвалил очерки характеров отца Гёте и его матери».

Работу о Гёте под углом зрения тех же мыслей о единстве человеческой личности во всех проявлениях Чернышевский продолжает далее (см. записи 22 октября, 23 октября, 23 ноября, «Дневник», стр. 177—178). 30 ноября на занятиях Никитенки опять намечалось чтение Чернышевского о Гёте, но чтение не состоялось. Потом эта работа, повидимому, оказалась оставленной и возобновилась только в начале июня 1849 г. 10 июня (пятница) в записи имеется: «В воскресенье или понедельник (т. е. 5 или 6 июня. — А. С.) начал, было писать эпизод из жизни Гёте (любовь к Лили) под названием «Пониманье» («Дневник», стр. 285). Повидимому, в это время окончательно оформился намечавшийся раньше художественный замысел: повесть впервые получает свое название «Пониманье».

Но замысел оказался опять невыполненным.

Повесть, очевидно, в основном строилась на биографическом материале о Гёте, который давался его автобиографическими записками «Wahrheit und Dichtung» (упоминания об этих записках были в прежних записках «Дневника» 25 сентября и 8 ноября 1848 г.). Интерес к повести совсем исчез, когда в «Современнике» начали печатать перевод «Wahrheit und Dichtung». 8 июля 1849 г. в «Дневнике» имеется запись: «В «Современнике» начали печатать Wahrheit und Dichtung Гёте, и теперь почти нечего уже писать эпизод его и Лили любви» («Дневник», стр. 395).

Сохранившийся отрывок повести свидетельствует, что Чернышевский вовсе не предполагал только пересказывать соответствующие страницы «Wahrheit und Dichtung», он имел в виду свободно распорядиться материалом сообразно каким-то своим целям. Правда, намеченные образы отца и сестры Гёте не расходятся с «Wahrheit und Dichtung», вид франкфуртских домов и улиц тоже дан так, как о них сказано у Гёте и основной факт повести (любовь к Лили) тоже взят оттуда, но расстановка всех этих моментов у Чернышевского намечена иная. Эпизод любви Гёте к Лили относится к 1775 г., когда Гёте уже окончил университет, побывал юристом-практикантом в Вецларе, уже выпустил «Геца» и «Вертера», уже пользовался широкой славой, вошел в знакомство с большими знаменитостями своего времени (Лафатер, Базедов, братья Якоби, Клоппшток), побывал уже гостем в Майнце у веймарских принцев, и его пребывание в родном Франкфурте уже не носило характера юношеской подчиненности под родительским кровом.

У Чернышевского в сохранившемся отрывке берется момент пребывания Гёте во Франкфурте более ранний. Судя по началу рассказа, здесь имеется в виду приезд Гёте из Лейпцига в 1768 году, когда он, больной, приехал домой, чтобы восстановить здоровье. Ни самой Лили, ни ее семейства около семейства Гёте тогда еще не было. Сестре Гёте в это время, как это отмечено у Чернышевского, было действительно 18 лет. Но Лили тогда (т. е. в 1768 году) не могла быть ее подругой. В 1775 году, т. е. в год действительной встречи Гёте с нею, ей было 17 лет, следовательно, в 1768 г. ей было только 10 лет. В 1768 г. никакой дружбы между семейством Гёте и семьей Шенеман (семья Лили) не существовало. Между тем у Чернышевского говорится о большой дружбе сестры Гёте к Лили, о любви к ней со стороны матери Гёте и пр. Нельзя также не отметить, что сестру Гёте звали Корнелией, а у Чернышевского она названа Элизой. Все это говорит о том, что Чернышевский вовсе не думал повторять рассказ «Wahrheit und Dichtung», а имел какой-то свой свободный художественно-творческий замысел. К сожалению, сохранившийся небольшой отрывок повести не позволяет судить о содержании и характере этого замысла.

Авторская рукопись хранится в Доме-музее имени Н. Г. Чернышевского в Саратове. Написана она с теми же сокращениями и условными обозначениями, как и дневник Чернышевского. Для настоящего издания текст проверен по рукописи Н. А. Алексеевым.

Примечания

¹ О возвращении Гёте домой для поправления здоровья см. «Wahrheit und Dichtung», кн. VIII. Гёте прибыл во Франкфурт 1 сентября 1768 г. и оставался здесь до апреля 1770 года.

² Сестру звали Корнелией.

³ Сестра Гёте Корнелия родилась 7 декабря 1750 года; она была только на 1 год моложе самого Гёте (род. 28 августа 1749 года). Если иметь в виду приезд Гёте домой в сентябре 1768 года, то указанный здесь Чернышевским возраст сестры Гёте вполне совпадает с действительностью.

⁴ Лили-Анна-Елизавета Шенеман — дочь богатого франкфуртского банкира Шенемана. Знакомство Гёте с нею произошло в доме ее матери (отец к тому времени уже умер) в январе 1775 года. Лили тогда было 17 лет. См. «Wahrheit und Dichtung», кн. XVII.

⁵ Сестра Гёте и Лили не могли быть и не были близкими подругами. В ту пору, когда сестре Гёте было 18 лет (время, указанное здесь Чернышевским), Лили было только 10 лет. Не было также и дружественного общения между семьями Гёте и Шенеман. Уклад жизни богатых Шенеман был совсем иной, чем в семье родителей Гёте.